

Иллюзия Рая.

**СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ**

Виталий Рейхерт

Иллюзия Рая

«Автор»

2026

Рейхерт В.

Иллюзия Рая / В. Рейхерт — «Автор», 2026

ИЛЛЮЗИЯ РАЯ Книга вторая цикла «Город Пальм» После событий новогодней ночи Рей остался один на мели — без денег, без музыки, без права отступить. Кью улетела делать выставку. Ресторан «Последний ужин» закрыт. В кармане — мелочь на шаурму. В голове — слова, приснившиеся ему в ту ночь, когда он перестал понимать, где явь, а где предчувствие беды. Луиза предлагает работу в прибрежном отеле — иллюзия рая, которая требует от художника не картин, а подчинения. Но судьба подбрасывает другой путь: частный заказ на окраине, дом по адресу, которого нет на картах, и хозяин, который смотрит так, будто знает о Рее больше, чем он сам. Когда на стене проступает рисунок, который он не рисовал, а в жизни появляется галеристка, готовая поверить в его талант, — Рей оказывается перед выбором. Иллюзия или истина? Чужой сценарий или собственный путь? И главное — что скрывается за историей Вселенной 88, которую он начинает рассказывать вслух, не подозревая, что эта история уже пишет его самого.

© Рейхерт В., 2026

© Автор, 2026

Виталий Рейхерт

Иллюзия Рая

Глава 1

Автор Произведения: Рейхерт. Виталий. Владимирович.

Роман
«ГОРОД ПАЛЬМ»

Книга II: Иллюзия Рая.

Часть I: День первый.

Глава 1. На мели.

Комната принадлежала ему, но не узнавала хозяина. Продавленный диван, оторванная пуговица. Но сейчас воздух стал чужим. Плотная, густая вода перед штормом. Тяжёлое одеяло на груди. Он не дышал – обволакивал, давил невидимым весом.

И Рей не лежал на диване.

Он стоял в углу комнаты, прижавшись спиной к стене, и смотрел на себя – на собственное тело, которое лежало неподвижно, с закрытыми глазами, с руками, безвольно свисавшими к полу. Тело дышало ровно, глубоко, но в этом дыхании не было жизни – только механический ритм.

Рей хотел двинуться, подойти, дотронуться до себя – но ноги не слушались. Они были приклеены к полу.

Рядом с диваном стоял стул.

Простой, деревянный, с облупившейся краской. Такой стул мог стоять в любой квартире, в любом доме, в любой точке мира. Но сейчас он был не просто стулом. Он был тронем.

На стуле сидела фигура. Вместо лица – сгусток тени, вылепленный из света и тишины. Свет сочился из неё сам – ровный, холодный, безжалостный. Стерильное сияние конца туннеля, куда не хочется входить.

Она не двигалась, но воздух вокруг неё дрожал. От неё исходило присутствие. Не доброе. Не злое. Просто – «я здесь». «Я была здесь всегда». «Я буду здесь всегда». Это не было угрозой. Это было знанием.

Рей сглотнул. Горло было сухим.

Ты стоишь над бездной, — сказала фигура.

Голос звучал не снаружи, а внутри головы, как мысль, которую не ты придумал, но которая уже стала твоей. Он не нарушал тишину – он был тишиной, обретшей форму:

— Ты просил – я дал.

Фигура подняла руку. На ладони показалась кисть – старая, его собственная, с синей изолентой на черенке:

— Возьми.

Рей потянулся, но дерево и ворс рассыпались в прах, оставив на пальцах жирную чёрную пыль.

Рей хотел спросить: «Кто ты?» — но слова не выходили. Язык был ватным, неподвижным, будто его залили свинцом:

— Ты хотел быть художником? — спросила фигура.

Голос стал чуть тише, но от этого — только отчётливее. Шёпот, который слышен сквозь стену, и ты не понимаешь слов, но знаешь, что они говорят о тебе.

Рей кивнул. Или не кивнул. Он не мог понять, делает он это или только думает о том, как бы сделать:

— Талант не просят. Талант — это ответ на вопрос, который ты не задавал вслух. Ты хотел быть тем, кто видит мир иначе. Получи. Я наградил тебя этим. Но теперь это твоя ответственность.

Голос стал жёстче. Не грубее — именно жёстче, лезвие, которое режет ткань, не прилагая усилий:

— Ты думаешь, талант — это дар? Нет. Это бремя. Тяжесть, которую ты должен нести каждый день. Ты получил кисть, но ты должен сам взять её в руки. Ты получил зрение, но ты должен сам смотреть, не закрывая глаз. Хотел выставку? Действуй. Не проси. Не жди. Чудеса не случаются. Чудеса — это просто работа, которую ты не заметил.

Рей почувствовал, как слова впиваются в него, иглы, которые не вытащить. Они проходили сквозь уши, врезались в мозг, оставались там, навсегда.

Фигура чуть подалась вперёд, и свет стал плотнее, почти осязаемым. Он обволакивал грудь, сжимал рёбра, заставлял дышать глубже, тяжелее, воздух превратился в камень:

— Ты понял меня? — спросила фигура.

Рей не мог ответить.

— Вдохновение не придёт. Чудо не случится. Завтра — это ловушка для слабых. Бери и делай. Сейчас. Сегодня.

Фигура качнулась, и Рей смотрел на лицо. Обожжённое светом, искажённое гримасой, в которой смешались усталость, ирония, отчаяние и что-то ещё, что он не мог назвать. Свобода. Или безумие:

— Ты сам выбрал этот путь. Теперь не беги от него. Рано или поздно стена закончится. И тебе придётся прыгнуть. С крыльями или без.

Рей открыл рот — и вместо слов услышал собственный крик.

Он проснулся.

Пустота.

Квартира встречала его привычным холодом, который въелся в стены за долгие месяцы одиночества. Свет падал с потолка, смешиваясь с пылью, танцующей в воздухе. Где-то за окном чихнул автомобиль, потом затих. Слышно было только собственное дыхание – прерывистое, словно после бега, и сердцебиение, которое стучало в ушах.

На столе стояла грязная кружка с засохшим слоем чая – он не мыл её уже четыре дня. Плёнка на поверхности застыла. У двери валялись старые кроссовки, подошва которых отклеилась ещё осенью.

Рей сел на диване, опёрся руками о колени, опустил голову. Голова гудела – пустая раковина, в которую ветер заносит шум. Сон ускользал, таял, но слова остались. Они врезались в память, застревали под рёбрами – занозы, которые не вытащить. «Бери и делай. Сейчас. Сегодня».

Он провёл ладонью по лицу. Кожа влажная – пот, смешанный с холодом:

— Только не сходи с ума, — сказал он вслух, и голос прозвучал глухо, как из пустого ведра.

Он встал, подошёл к окну. За стеклом – февральское небо, бледное, болезненное, с редкими облаками, которые висели неподвижно. Где-то на подоконнике, в трещине между рамой и стеклом, торчал пучок мимозы – жёлтой, пушистой, почти нелепой среди этой серости. Она появилась здесь неделю назад, когда он принёс её и была единственным живым цветом в этой квартире.

Город застыл в ожидании, как страница новой книги, которую никто не решается открыть. Всё замерло, ничего не происходило – только время тянулось.

Он повернулся к столу. Мелочь, рассыпанная горстью, едва прикрывала дно чашки. Он пересчитал. Двести тридцать рублей.

Булочка с сыром и колбасой в пекарне за углом – девяносто пять. Шаурма в ларьке – двести двадцать. Если взять булочку – останется на дешёвый растворимый кофе, который продаётся в магазине на остановке. Если шаурму – ничего.

Он пересчитал ещё раз. Сумма не изменилась. Он знал, что не изменится, но пересчитал всё равно – ритуал, попытку обмануть реальность.

Он оделся. Накинул старую куртку, которая когда-то была чёрной, а теперь стала серой, выгоревшей на солнце и потерявшей цвет от бесконечных стирок. Засунул руки в карманы – в левом была дырка, и он нащупал через неё собственную ногу. Вытащил руку, засунул в правый.

Вышел.

Холод кусал щёки, но шаурмичная горела жёлтым тёплым светом – маяк посреди серой пучины. Он переходил пустую улицу, обходя огромную лужу. Подошёл к ларьку, стукнул по прилавку костяшками пальцев.

За прилавком стояли двое – Али и Рустам.

Рей знал их уже два года. Они всегда подкармливали его, когда он был на мели, и не давали ему умереть с голоду, даже когда он сам готов был сдаться:

— О, брат! — Али расплылся в улыбке шире витрины. — Опять на мели? Заходи. Накормим. Потом отдашь.

Рей улыбнулся в ответ. Он даже не спрашивал, можно ли в долг – Али уже доставал горячую питу. Его руки двигались быстро, привычно, почти автоматически.

— Рустам, дай ему двойную порцию! — крикнул он в глубину ларька. — Наш художник худой как спичка!

Рустам, могучий узбек с добрыми глазами, уже резал мясо, напевая что-то себе под нос – какую-то старую песню, которую Рей не узнал, но которая создавала ощущение, что всё будет хорошо.

Рей высыпал мелочь на прилавок, и Али привычно пересчитал её:

— Не хватает сорока, — сказал он, но не обвиняюще, а просто констатируя факт.

— Я знаю, — ответил Рей.

— Ладно, брат, занесёшь потом, — махнул рукой Али. — Мы тебя знаем. Ты — человек честный.

— Надеюсь, — сказал Рей.

— Мы не надеемся, — серьёзно ответил Рустам, протягивая ему шаурму, туго завернутую в фольгу, которая уже начала блестеть от жира. — Мы знаем. Ты рисовал наш ларёк. Запомнили. Художник всегда честный. Если он настоящий.

Рей взял свёрток. Горячий, сочный. Вдохнул запах мяса, специй, лука – и этот запах согревал лучше любого плёда, лучше любых слов. «Настоящий художник... А я настоящий?» — подумал он.

Он вышел на улицу, остановился у витрины. Свет изнутри отражался в грязном стекле, и в этом отражении он видел только себя – уставшего, похудевшего, с небритым лицом, с глазами, в которых не было сна, а только усталость. Но внутри, за этим отражением, что-то дрожало. Что-то, что проснулось вместе с ним. Что-то, что не давало ему лечь обратно на диван и закрыть глаза навсегда.

Он вернулся в квартиру. Телефон лежал на столе, молчал. Ни сообщений, ни звонков.

Рей сел, развернул шаурму, медленно жевал, глядя в стену. Разводы от протечки на потолке напоминали горы на закате – далёкие, недостижимые, красивые. Когда-то он думал, что это просто грязь. Теперь ему казалось: это карта мира, по которому он никогда не ходил. Или, возможно, по которому он ещё пойдёт.

Он набрал номер Луизы. Она ответила с третьего гудка – усталым, привычно-деловым голосом, в котором за многие годы стёрлась всякая мягкость:

— Рей. Ты как там?

— Живу, — прозвучало пусто – слово, не имеющее значения.

— Вижу, что живёшь, раз звонишь. Слушай, отель откроется только в мае. Арчи пока не готов. Но ты нужен, Рей. Я оставила твой номер сыну, он тебе наберёт или напишет, когда будет готов. Пока жди. И не расслабляйся — ты понадобишься.

— Хорошо, — сказал он, и это слово прозвучало как вздох, сдача, принятие неизбежного.

Она отключилась, не попрощавшись.

Рей положил трубку и уставился в стену. Ещё два месяца. Два месяца пустоты. Два месяца без денег, без работы.

Он закрыл глаза, и в темноте век снова всплыли слова сна: «Не жди. Завтра – ловушка для слабых».

И в этот момент телефон завибрировал.

Вибросигнал прошёлся по столу – судорога, и Рей вздрогнул. Он взял телефон, глянул на экран. Незнакомый номер. Сообщение.

«Нужно расписать фасад частного дома. Приходите посмотреть. Адрес: ул. Солнечная, 12. Сегодня в 16:00».

Он уставился на экран, перечитал дважды. Ни имён, ни пояснений. Он никогда не слышал о такой улице. Набрал в поиске – карта показывала пустырь на окраине.

Рей хотел перезвонить – номер был скрыт. Абонент недоступен.

«Чёрт с ним», — подумал он. — «Пойду. Хуже не будет».

Он надел куртку, сунул телефон в карман, взял ключи. На секунду замер перед зеркалом в прихожей.

Дом на Солнечной, 12.

Он стоял в самом конце пустынной улицы – старый, трёхэтажный, с облупившейся штукатуркой и заколоченными окнами на втором этаже. Вокруг – ни души, только ветер гонял пыль по асфальту. Рей постоял у калитки, сомневаясь, но потом толкнул её – она открылась без скрипа.

Внутри двора было чисто, даже странно – ни мусора, ни старых досок. Посередине стоял мужчина. Лет пятидесяти, в простой клетчатой рубашке, с седой щетиной и внимательными глазами, которые рассматривали Рея так, будто уже знали, зачем он пришёл:

— Рей? — спросил он без приветствия.

— Да.

— Ваш номер мне оставил Пен, — сказал Павел Сергеевич, внимательно глядя на Рея.

— Пен? — Рей нахмурился. — Странно. Мы не виделись с ним с Нового года.

— Значит, он о вас помнит. — Павел усмехнулся, и в этой усмешке было что-то неуловимо знакомое.

Он не протянул руки, просто развернулся и пошёл к дому. Рей последовал за ним.

Фасад был серым, безликим, с глубокими трещинами, которые шли от земли до самой крыши. Павел Сергеевич остановился, обвёл стену рукой:

— Видишь? Это мой дом. Я хочу, чтобы он стал другим. Чтобы люди, проходя мимо, останавливались. Чтобы он не просто стоял, а жил.

— Что именно вы хотите? — спросил Рей.

— Не знаю, — ответил Павел Сергеевич. — Поэтому я позвал тебя. Ты художник. Ты должен предложить.

Рей растерялся. Обычно заказчики приходили с готовыми идеями, картинками из интернета, требовали «точно такое же, только дешевле». А этот – просто стоял и смотрел, ждал, что Рей сам что-то увидит:

— Можно я посмотрю? — спросил Рей.

— Смотри.

Рей обошёл дом. Задняя стена выходила во двор – голые ветви деревьев, замёрзшая земля. Стена была гладкой, почти идеальной для росписи. Он провёл пальцем по штукатурке, ощутил холод, шероховатость. И вдруг на секунду ему показалось, что на стене уже есть рисунок – смутные очертания, линии, которые складывались в цветущий сад на холмах. Он моргнул – видение исчезло:

— Ну? — голос Павла Сергеевича раздался над самым ухом. — Увидел?

Рей вздрогнул и обернулся. Хозяин стоял непозволительно близко, засунув руки в карманы:

— Эскизы. Я сделаю эскизы, — слова царапали горло. — Через два дня.

Павел Сергеевич кивнул, но в глазах его мелькнуло что-то похожее на голод:

— Два дня. Я буду ждать, Рей.

Рей вышел за калитку и остановился. За спиной хлопнула дверь дома. Он глянул на улицу – пусто, только редкие облака. В груди колотилось странное чувство: не страх, не надежда, а что-то среднее. Рей обернулся к дому. Окна на втором этаже, которые должны быть заколочены, вдруг оказались открытыми – и в одном из них мелькнул свет. Всего на секунду. А потом погас.

Он быстро зашагал прочь, не оглядываясь.

Дома он сел за стол и долго смотрел в пустой блокнот. Мысли путались. Станный хозяин, окна дома. И стена, на которой он – он был уверен – увидел несуществующий рисунок.

Он взял карандаш и начал набрасывать.

Не думая. Не планируя. Просто линии, которые выходили из-под руки сами. Дерево с тяжёлыми ветвями – как в видении. Сад, которого он никогда не видел, но который почему-то чувствовал знакомым.

Он отложил карандаш. набросок был грубым, но живым. Это был не просто фасад. Это был вход куда-то.

В дверь постучали. Рей вздрогнул, но не пошёл открывать – он знал, что это сосед по квартире. Джо вошёл сам, с банкой пива в руке, и сразу же уставился на набросок:

— Ого. Это что за хрень?

— Эскиз для заказа, — сказал Рей, прикрывая блокнот рукой.

— Выглядит как мазня, — Джо сделал глоток. — Мазня какого-то города, которого нет. — Он хмыкнул. — Ты точно в порядке?

— Не знаю, — честно ответил Рей. — Но это первый заказ за долгое время.

Джо помолчал, потом сказал:

— Тогда рисуй. А я посижу рядом, чтобы ты не слетел с катушек окончательно.

Он плюхнулся на стул, и они сидели в тишине – только карандаш шуршал по бумаге. За окном стемнело.

Рей закончил эскиз, посмотрел на него и понял, что завтра он снова пойдёт на Солнечную, 12. Не только чтобы показать эскиз.

Он закрыл блокнот и вдруг почувствовал, что в груди что-то дрогнуло – не надежда, а что-то более острое. Он только что ступил на тонкий лёд, под которым – целый мир.

Телефон снова завибрировал. Сообщение с того же скрытого номера, всего одно слово: «Увидимся завтра. Не опаздывай».

Рей сжал телефон в руке.

Глава заканчивалась, а история только начиналась.